

2 рисунка А. С. Пушкина из рукописей Румянцевскаго Музея, №№ 2372 и 2374.

РУССКАЯ КНИЖНАЯ ИЛЛЮСТРАЦИЯ XIX ВѢКА И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ПУШКИНА.

Едва ли кто еще изъ русскихъ поэтовъ и писателей всѣхъ временъ, кромѣ развѣ Крылова, такъ богато представленъ въ иллюстраціяхъ, какъ Пушкинъ. Но если количество рисунковъ къ его произведеніямъ очень велико, то, за то качество ихъ, къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ, далеко не соответствуетъ ни величію имени поэта, ни достоинству его произведеній. Лишь очень немногіе, ранніе рисунки, появившіеся еще при жизни Пушкина, могутъ быть причислены къ разряду удачныхъ иллюстрацій его твореній. А между тѣмъ расцвѣтъ литературной дѣятельности нашего великаго поэта совпалъ съ общимъ расцвѣтомъ русскаго искусства, особенно живописи и гравированія.

Пробужденіе нашего общественнаго самосознанія, вызванное внѣшними политическими событіями начала XIX-го вѣка, не могло не отразиться благотворно на общемъ состояніи отечественнаго искусства; оно внесло въ него элементъ самобытности и породило въ художникахъ стремленіе къ освобожденію отъ рабскаго подражанія иностранцамъ. Первая четверть XIX столѣтія является, въ особенности, эпохою въ исторіи русской книжной иллюстраціи; этому роду искусства посвятили свои труды лучшіе тогдашніе художники и граверы, сумѣвшіе впервые поставить русскую иллюстрацію на должную высоту и оставившіе намъ превосходные образцы дѣйствительно изящно украшенныхъ книгъ, которыми мы съ полной справедливостью можемъ до сихъ поръ гордиться. Впервые русская иллюстрація отошла отъ слѣпого подражанія иностранному, отъ стереотипнаго изображенія миеологическихъ фронтисписовъ и виньетокъ, или нехудожественныхъ воспроизведеній фейерверковъ и

иллюминацій; съ высотъ Парнаса молодые художники смѣло спустились на землю, не гнушаясь своимъ карандашемъ изображать сцены повседневной городской и деревенской жизни.

Большое вліяніе на развитіе русской книжной гравюры оказала дѣятельность извѣстнаго любителя-художника и мецената Алексѣя Николаевича Оленина, котораго, по справедливости, можно назвать отцомъ русской иллюстраціи. Еще въ 1795 году онъ лично нарисовалъ 92 виньетки къ сочиненіямъ Державина на рукописи, поднесенной авторомъ императрицѣ Екатеринѣ II. Хлопоча объ украшеніи своихъ изданій, Державинъ и потомъ обращался къ нему за совѣтами, и Оленинъ тогда же высказалъ въ особой запискѣ свой взглядъ на значеніе и смыслъ иллюстраціи къ литературнымъ произведеніямъ.

О своихъ виньеткахъ къ Державину онъ писалъ: „Всѣ почти изображенія какъ при заглавныхъ листахъ, такъ и при окончаніи каждой поэмы, почерпнуты изъ самаго содержанія оныхъ. Изографъ однако не повторяетъ автора и не то же представляетъ въ лицахъ первый, что второй написалъ въ стихахъ. Сіе повтореніе, довольно впрочемъ обычное, казалось ему плеоназмомъ; почему и старался художникъ домолвить карандашемъ то, что словами стихотворецъ не могъ, или не хотѣлъ сказать, оставляя иногда тонкій смыслъ, или таинственное значеніе на собственное проницаніе читателей“...

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ широко понималъ Оленинъ задачи книжнаго иллюстратора, предъявляя къ нему требованія, можетъ быть не всегда выполнимыя и, во всякомъ случаѣ, чрезвычайно трудныя. Дополнять и пояснять непонятное въ произведеніи автора задача, — которая могла бы быть слишкомъ произвольно истолкована художниками, въ зависимости отъ индивидуальности cadaго, и не всегда можетъ быть согласно желаніямъ самого автора. Впрочемъ, любовь къ чистому искусству Оленина и его художественное чутье должны были сейчасъ же допустить исключенія изъ этого правила. Немного далѣе онъ пишетъ: „въ заглавіи нѣкоторыхъ однако поэмъ, то же, или почти то же изображено въ лицахъ, что сказано въ поэмѣ. Но сіе въ такомъ только случаѣ предпочтено иносказательному изображенію, что дѣйствительное представляетъ столь же хорошую картину для глазъ, сколько словесная кисть для разума, и художникъ, по любви только къ художеству своему не хотѣлъ оставить безъ начертанія такой картины“... Здѣсь уже онъ признаетъ иллюстрацію какъ чистый плодъ фантазіи художника вдохновленной поэтическими образами произведенія.

Собственные рисунки Оленина къ сочиненіямъ Державина, несмотря на всѣ ихъ достоинства, по содержанію своему еще всецѣло принадлежатъ искусству XVIII вѣка, но этому причину, конечно, самъ характеръ иллюстрируемыхъ одъ и посланій. Любя искренно искусство, обладая самымъ разностороннимъ европейскимъ образованіемъ и тонкимъ художественнымъ чутьемъ, Оленинъ не могъ не чувствовать всю отжитость царившаго ложно-классицизма, и, будучи глубокимъ знатокомъ древне-русскаго быта и литературы, понималъ всю необходимость обновленія роднаго искусства въ духѣ національной самобытности. Самъ Державинъ въ посланіи къ нему называетъ его:

„Обычевъ русскихъ, вида, чувства,
„Моей поэзіи изографъ“...

Оленинъ любилъ покровительствовать художникамъ и поэтамъ, и окружилъ себя въ своемъ имѣнїи „Прїютино“ цѣлою толпою молодежи, которая привыкла смотрѣть на него какъ на незыблемый авторитетъ во всѣхъ вопросахъ литературы и искусства, особенно же въ дѣлѣ книжной иллюстраціи.

Какъ писатели, такъ и художники обращались къ нему за совѣтомъ, приступая къ иллюстрацію книги. Первые просили у него набросковъ для картинокъ, вторымъ онъ исправлялъ ихъ рисунки и эскизы, рисуя и самъ свои „цвѣтки“ и „кашки“, какъ онъ называлъ виньетки и концовки на старомъ русскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, уже съ самого начала XIX-го столѣтія мы видимъ, какъ русская книжная иллюстрація понемногу скидываетъ съ себя чужестранное иго и приобрѣтаетъ тотъ характеръ самобытности, который послужилъ залогомъ ея дальнѣйшаго развитія.

Красивой галереей проходятъ передъ нами знаменитый Венеціановскій Волшебный фонарь, офорты Мартынова, рисунки Иванова и Зауревейда къ баснямъ Крылова 1815 и 1825 г.г., эти лучшія русскія иллюстраціи превосходно гравированныя Галактіоновымъ, Ческимъ и Иорданомъ, отличныя картинки Зеленцова къ сочиненіямъ Булгарина, Ивановскія иллюстраціи 5-го изданія сочиненій Озерова и еще многіе другіе. Цѣлый рядъ изящно изданныхъ альманаховъ съ картинками лучшихъ мастеровъ дополняетъ блестящую картину состоянія иллюстрированной книги этой эпохи. То было, по словамъ Ровинскаго, счастливое время для русской гравюры; талантливые рисовальщики шли объ руку съ не менѣе даровитыми и искусными граверами и блестящій рѣзецъ Уткина, Галактіонова, Ческаго, К. Афанасьева, Скотникова умѣлъ достойно передавать всю красоту и грацію ихъ рисунковъ.

Въ твореніяхъ величайшаго русскаго поэта художники-иллюстраторы, должны были найти себѣ богатѣйшій матеріалъ. Живые образы, создаваемые Пушкинымъ, сами просились подъ карандашъ художника; его исключительная способность проникаться колоритомъ и характеромъ описываемой эпохи, умѣнье съ живописующей яркостью воспроизводить въ стихахъ тона и краски изображаемой имъ природы, все это какъ нельзя болѣе способствовало художнику при иллюстраціи его произведеній. Стихи Пушкина казались взятыми изъ самой жизни картинками, ихъ надо было только умѣть перевести на бумагу. Та струя новой самобытной жизни, которую Пушкинъ внесъ въ застоявшуюся и окованную традиціями ложно-классицизма литературу, должна была найти откликъ въ сердцахъ художниковъ его эпохи, также какъ и онъ, искавшихъ новыхъ путей въ своемъ искусствѣ, омертвѣвшемъ въ тѣхъ же цѣпкихъ и тяжелыхъ оковахъ. И мы видимъ этихъ художниковъ, сумѣвшихъ проникнуться духомъ поэзіи Пушкина въ лицѣ Оленина, Галактіонова, Иванова и нѣкоторыхъ другихъ. Къ сожалѣнію ихъ было немного, но и то немногое что они успѣли сдѣлать, является до сихъ поръ лучшимъ въ длинномъ ряду пушкинскихъ иллюстрацій.

Настоящимъ, вдохновеннымъ иллюстраторомъ Пушкина, былъ С. Ф. Галактіоновъ, соединявшій, счастливимъ образомъ въ своемъ лицѣ талантливаго рисовальщика и превосходнаго гравера, и умѣвшій своимъ граціознымъ и изящнымъ рѣзцомъ передавать всю прелесть безсмертныхъ сценъ лучшихъ твореній поэта.

Пушкинъ и самъ нерѣдко пытался иллюстрировать ту или другую

2 рисунка Галактионова къ «Бахчисарайскому Фонтану»

Рисунокъ И. Иванова къ «Кавказскому плъвнику».

сцену своихъ сочиненій и его рукописи часто покрыты различными рисунками и набросками. Таковы напримѣръ, его иллюстраціи на рукописяхъ: „Домика въ Коломнѣ“ (изображеніе бредущей кухарки), „Сказки о Кузьмѣ Остолопѣ“, воспроизведенныя въ изданіи Анненкова 1855 г. ¹⁾, или рисунки на рукописяхъ „Каменнаго Гостя“, „Гробовщика“, воспроизведенныя въ Альбомѣ Пушкинской выставки 1880 года. Рукопись „Сказки о Золотомъ Пѣтушкѣ“, хранящаяся въ Имп. Публичной Библиотеѣ, также имѣетъ рисованный поэтомъ заглавный листъ съ виньеткою, а оригиналъ „Кавказскаго Плѣнника“ весь покрытъ рисунками, типами и сценами къ поэмѣ. Еще интереснѣе его набросокъ сцены изъ „Онѣгина“, на письмѣ къ брату Льву Сергѣевичу, подготовлявшему 1-е изданіе романа, изъ Михайловскаго, отъ ноября 1824 года. Рисунокъ изображаетъ самого поэта съ Онѣгинымъ на набережной Невы, при чемъ сдѣланы слѣдующія надписи: 1. Хорошь. 2. Долженъ быть опершись на гранитъ, 3. Лодка, 4. Крѣпость Петропавловская (см. воспроизведеніе рисунка въ „Библиограф. Зап.“ 1858 г.). На оборотѣ подписано: „Братъ, вотъ тебѣ картинка для Онѣгина, найди искусный и быстрый карандашъ. Если и будетъ другая, такъ все въ томъ же мѣстоположеніи. Та же сцена, слышишь ли? Это мнѣ нужно непременно“.

Въ слѣдующемъ письмѣ къ брату, онъ опять беспокоится объ этой картинкѣ и спрашиваетъ: „будетъ ли картинка у Онѣгина?“

Неизвѣстно, по какимъ причинамъ Л. С. не исполнилъ настоящей просьбы брата, и 1-е изданіе романа (отдѣльными главами) вышло безъ картинки. Уже позднѣе, въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1829 года, художникъ А. Нотбекъ использовалъ эту тему для перваго рисунка, но, къ сожалѣнію, довольно неудачно.

Не здѣсь, конечно, анализировать причины колоссальнаго успѣха первыхъ произведеній Пушкина, замѣтимъ, однако, что одною изъ нихъ было всеобщее тогдашнее увлеченіе поэзіею и новымъ направлениемъ ея — романтизмомъ, занесеннымъ къ намъ Жуковскимъ. Стихи были любимымъ чтеніемъ русскаго общества Александровской эпохи, откуда и успѣхъ новаго рода изданій, альманаховъ, первыхъ проводниковъ литературнаго романтизма²⁾. На страницахъ этихъ маленькихъ изданій, бывшихъ настольными книжками всей русской интеллигенціи, увидѣли впервые свѣтъ многія творенія Пушкина, въ альманахахъ же появилось и большинство первыхъ иллюстрацій къ его сочиненіямъ. Впрочемъ, самой первой, по времени, изданной иллюстраціей къ Пушкину является фронтиспись 1-го изданія „Руслана и Людмилы“, исполненный по рисунку Оленина И. Ивановымъ и гравированный М. Ивановымъ. Онъ изображаетъ 4 сцены изъ поэмы (Фарлафъ и Наина, Борьба Руслана съ Головою, Сонъ Людмилы и Борьба съ Черноморомъ) и является вообще одною изъ лучшихъ русскихъ гравюръ. Самъ авторъ былъ отъ него въ восторгѣ и интересовался имъ еще до полученія книжки въ готовомъ видѣ. Высланный изъ Петербурга, въ маѣ 1820 года, онъ не могъ лично закончить дѣла по изданію поэмы и поручилъ ихъ Гнѣдичу. Послѣдній,

¹⁾ Интересно, что въ этомъ изданіи цензура не пропустила изображенія бѣса, помѣшеннаго позднѣе въ „Матеріалахъ“ Анненкова въ 70-хъ годахъ.

²⁾ Какъ примѣръ успѣха альманаха можно привести „Полярную Звѣзду“ 1824 года разошедшуюся въ 3 недѣли въ количествѣ 1500 экз. До того времени только исторія Карамзина имѣла подобный громаднй успѣхъ.

уже въ его отсутствіе, получилъ Оленинскій рисунокъ и Пушкинъ до выхода книги не зналъ даже о его авторѣ. 4-го декабря 1820 года, онъ пишетъ Гнѣдичу изъ „Каменки“: „Въ газетахъ читаль я, что „Русланъ“, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою. Кого мнѣ за нее благодарить?“ А благодарность его, по полученіи книжки, была дѣйствительно велика, рисунокъ Оленина привелъ его въ положительный восторгъ и въ другомъ письмѣ изъ Кишинева, отъ 24 марта 1821 г. онъ писалъ Гнѣдичу: „Платье, сшитое по заказу вашему на „Руслана и Людмилу“, прекрасно. И вотъ уже четыре дня, какъ печатные стихи, виньетка и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. (Оленина); эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности“. Вполнѣ представляется понятнымъ, что желая иллюстрировать „Руслана“, Гнѣдичъ обратился къ такому знатоку древне-русскаго быта какъ Оленинъ, къ тому же такъ любившему изящную книгу. Ему, болѣе чѣмъ кому либо, долженъ былъ прійтись по душѣ народный духъ поэмы и онъ вполнѣ сумѣлъ передать этотъ новый самобытный колоритъ творенія молодого поэта въ своемъ превосходномъ рисункѣ. Участіе такого знатока и то вниманіе, которое онъ оказалъ молодому автору, не могли не тронуть Пушкина, который и выражаетъ это въ послѣднихъ, приведенныхъ нами, строкахъ своего письма.

Гравированіе виньетки заняло много времени и она немного запоздала; въ „Сынѣ Отечества“ 1820 г. ч. 63, мы читаемъ:

„... Принадлежащая къ ней виньетка, на которой [изображены всѣ лица и главнѣйшія явленія нами еще не кончена.

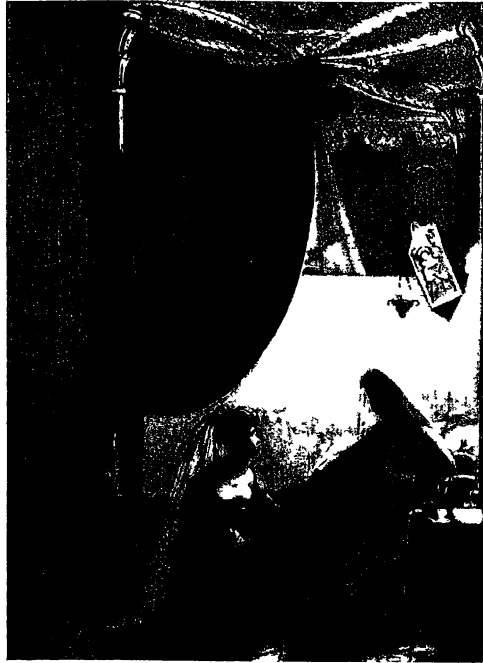
Она нарисована весьма удачно, гравировается искуснымъ художникомъ и купившимъ поэму будетъ раздаваться бесплатно“.

Вотъ причина, почему экземпляры Руслана съ гравюрою попадаютъ такъ рѣдко.

Послѣдовавшіе за „Русланомъ“, „Кавказскій Плѣнникъ“ (1822 г., съ портр. автора) и „Бахчисарайскій Фонтанъ“ (1824 г.), изданы безъ рисунковъ, но въ письмахъ Пушкина сохранилось свѣдѣніе, о предположеніи его иллюстрировать и послѣднюю поэму: 20 декабря 1823 года онъ писалъ изъ Одессы къ кн. П. Вяземскому: „Рисунокъ съ „Фонтана“, оставимъ до другого изданія. Печатай скорѣе. Не ради славы прошу; а ради Мамона“. Очевидно, предполагалось помѣстить видъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ и только необходимость поскорѣе выпустить книгу помѣшала автору исполнить свое желаніе.

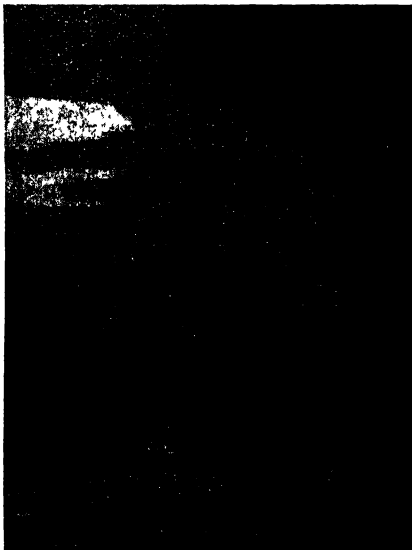
Слѣдующія затѣмъ, въ хронологическомъ порядкѣ, иллюстраціи къ Пушкину появились въ альманахѣ „Полярная Звѣзда“ 1824 — 25 г.г. Это были: рисунокъ И. Иванова, къ „Кавказскому Плѣннику“, гравированный Галактіоновымъ и Ческимъ, и рисунокъ къ „Братьямъ Разбойникамъ“, гравированный однимъ Галактіоновымъ. Рисунки эти, не смотря на свои достоинства, вызвали неудовольствіе со стороны критика „Вѣстника Европы“, вообще недолюбивавшаго альманахи. Недоволенъ былъ онъ и „Полярной Звѣздой“ какъ по содержанію, такъ и по рисункамъ, которые онъ назвала „плохими“. Исключительный успѣхъ этого альманаха доказалъ, что публика не согласилась со строгимъ мнѣніемъ критика.

Затѣмъ въ 1827 г. въ „Невскомъ Альманахѣ“ появились лучшія работы Галактіонова, 4 картинки къ „Бахчисарайскому Фонтану“, гравиро-

*3 литографии из французскаго издания «Бахчисарайскаго Фонтана» Парижъ 1826 г.
Собств. Пушкинскаго Музея*

ванные имъ по собственнымъ рисункамъ. Очаровательныя гравюры эти полны изящества и граціи, и вполне достойны прелестнаго произведенія поэта¹⁾. Тѣ же рисунки вошли и въ отдѣльное 2-е изданіе поэмы, вышедшее въ концѣ 1827 года (цензурная помѣтка „Альманаха“ 27 окт. 1826 г., помѣтка отдѣльнаго изданія 20 окт. 1827). Превосходный рисунокъ къ „Борису Годунову“, въ „Невскомъ Альманахѣ“ 1828 г., также рисованъ и гравированъ Галактіоновымъ и является одною изъ лучшихъ его работъ²⁾. Наконецъ, въ „Альманахѣ“ на 1829 г., помѣщены 6 рисунковъ Нотбека къ „Евгенію Онѣгину“, гравированныхъ Гейтманомъ, Галактіоновымъ, Збруевымъ, Ивановымъ и Ческимъ. Рисунки эти явились довольно слабою данью художника шумному успѣху пушкинскаго романа; они зна-

2 рисунка Нотбека къ *Евгенію Онѣгину* („Невскій Альманахъ“ 1829 г.).

чительно хуже всѣхъ предыдущихъ, и не могли быть украшены даже участіемъ лучшихъ гравировъ. Интересны они только какъ единственные, современные автору, рисунки къ роману, причѣмъ тема для одного изъ нихъ даже, какъ мы видѣли, была дана имъ самимъ. Картинками этими были недовольны и современники, и кн. П. Вяземскій, въ письмѣ къ Пушкину, 25 янв. 1829 г., смѣется надъ рисункомъ, изображающимъ Татьяну, говоря, что она изображена „пьяною“.

Въ 1833 г. вышло 1-е изданіе знаменитаго Смирдинскаго „Новоселья“ — сборника, составленнаго изъ произведеній лучшихъ русскихъ ли-

¹⁾ Галактіоновскія иллюстраціи къ „Фонтану“ не были 1-ми рисунками къ этой поэмѣ. Еще въ 1826 г., въ Парижѣ вышелъ французскій переводъ ея съ 3-мя интересными литографіями, воспроизведенными здѣсь по рѣдчайшему экземпляру Лицея.

²⁾ Любопытно что Гришка Отрепьевъ былъ сперва нарисованъ Галактіоновымъ съ бородой и лишь позднѣе изъ бороды сдѣланъ ксендзовскій галстухъ. Гравюра въ первоначальномъ видѣ находилась въ коллекціи И. И. Ваулина.

тераторовъ. Обѣ части не обошлись, конечно, безъ Пушкина, портретъ котораго помѣщенъ на обѣихъ заглавныхъ виньеткахъ, гравированныхъ Галактіоновымъ по рисункамъ А. Брюллова и Сапожникова. Въ 1-й части помѣщена поэма „Домикъ въ Коломнѣ“, во 2-й „Анджело“. Къ 1-й поэмѣ приложенъ интересный рисунокъ А. Брюллова, къ сожалѣнію, довольно блѣдно гравированный Ческимъ. Второе изданіе этого сборника вышло уже послѣ смерти Пушкина, въ 1845 г., и рисунокъ къ „Домику въ Коломнѣ“ помѣщенъ въ немъ въ измѣненномъ видѣ, гравированъ на деревѣ въ обратную сторону и не подписанъ. Въ началѣ приложена превосходно исполненная виньетка, изображающая видъ Коломны (церковь Покрова), рисованная и гравированная на деревѣ Бернадскимъ. Къ поэмѣ „Анджело“ также прибавлена гравюра на деревѣ, съ монограммою Д.

Гравюра лубочной работы находится въ 12 томѣ пѣсенника Гурьянова 1838 г. съ подписью „къ рѣкѣ бѣжить гремучій валъ“, предназначенная иллюстрировать „черкесскую пѣснь“ изъ поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“.

Остается еще упомянуть о недурномъ рисункѣ А. Брюллова къ „Каменному Гостю“ въ первомъ томѣ „Ста русскихъ литераторовъ“ (1839 г.), къ сожалѣнію, очень слабо гравированномъ на стали. Вотъ и всѣ книжныя иллюстраціи къ Пушкину, появившіяся при его жизни или вскорѣ по смерти. Почти всѣ онѣ, какъ мы видѣли, вышли при сборникахъ или альманахахъ; изъ отдѣльныхъ изданій мы могли назвать только „Руслана“ и „Бахчисарайскій Фонтанъ“.

Впрочемъ, самъ Пушкинъ предполагалъ дать рисунки и къ другимъ своимъ сочиненіямъ, какъ мы уже видѣли при 1-мъ изданіи „Фонтана“, но желанія эти, по разнымъ причинамъ, иногда не осуществлялись. Вообще, онъ придавалъ большое значеніе внѣшности книги и, напримѣръ, предпринимая изданіе своихъ стихотвореній (вышедшее въ 1826 г.), въ письмѣ къ брату и Плетневу (15 марта 1825 г.) давалъ точныя указанія относительно распредѣленія стиховъ на страницахъ, просилъ избѣгать некрасивыхъ типографскихъ концовокъ и особенно настаивалъ на помѣщеніи виньетки, давая даже для нея тему: „Психея, которая задумалась надъ цвѣткомъ“. Рисунокъ этотъ онъ мечталъ поручить лучшимъ мастерамъ, восклицая:

„Что если бы волшебная кисть
Θ. Толстого!

„Нѣтъ слишкомъ дорога!

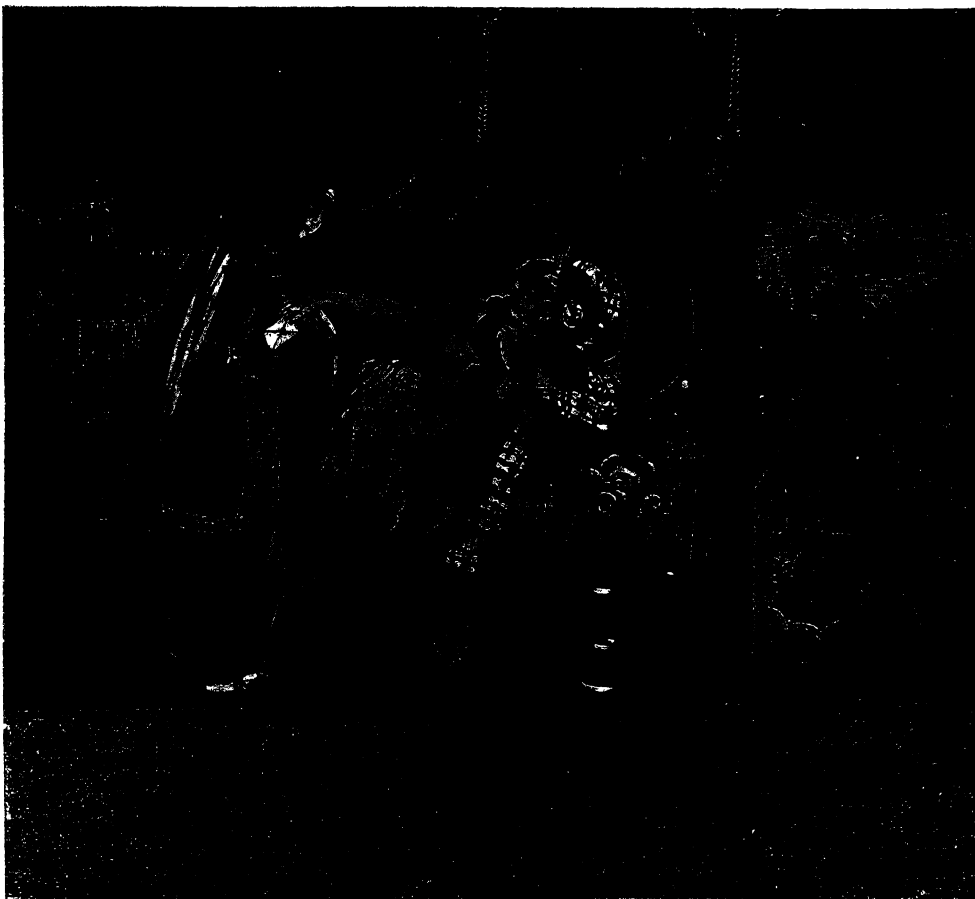
„А ужасъ какъ мила!

„Къ тому же, кромѣ Уткина, ничей рѣзецъ не достоинъ его карандаша...“¹⁾

Тѣмъ не менѣе, Стихотворенія 1826 года вышли безъ виньетки; Плетневъ не сумѣлъ найти для нея подходящаго художника. 26 Сентября 1825 года онъ писалъ Пушкину: „Виньеты, рѣшительно говорю, не будетъ. Съ художниками нашими невозможно имѣть дѣла. Они всѣ побочныя дѣти Аполлона: не понимаютъ насъ они. Да и что придасть твоимъ стихамъ какая-нибудь глупая фигура надъ пустоцвѣтомъ?“

Въ 1826 г. Дельвигъ въ своихъ „Сѣверныхъ цвѣтахъ“ хотѣлъ иллюстрировать отрывки изъ „Овидія“ Пушкина, но почему-то также не

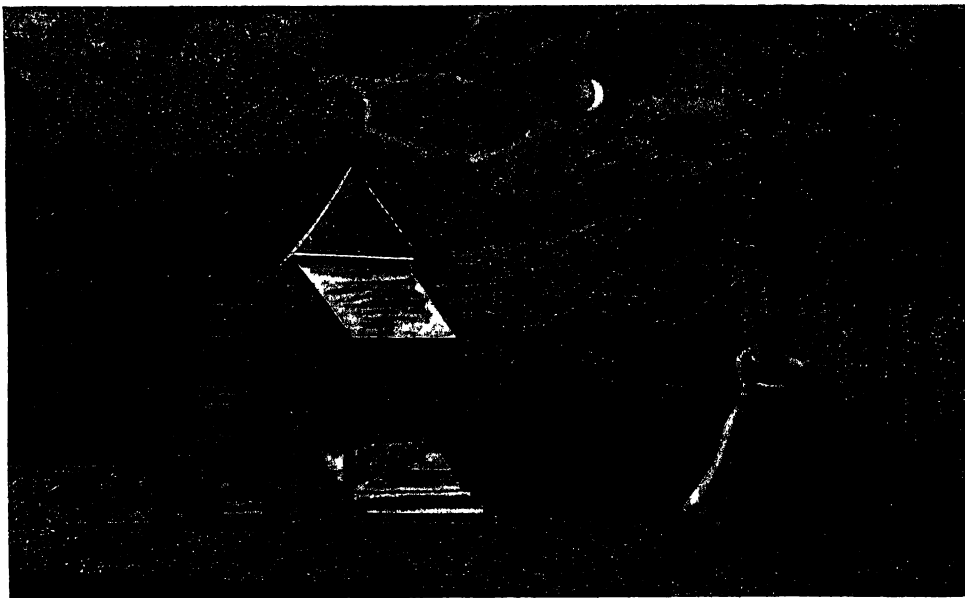
¹⁾ Иллюстрація книги, по тому времени, была дѣйствительно довольно дорога. Изъ смѣты, представленной Уткинымъ въ 1816 г. Державину, хотѣвшему иллюстрировать свои стихи, видно, что одна только гравировка обходилась по 200 р. (ассигн.) съ фронтисписа и по 100 р. съ виньетки, не считая стоимости рисунка и печати.

*Лубокъ 1833 г., иллюстрирующий стихотворение Пушкина «Талисманъ».
Собств. Пушкинскаго Музея.*

поладилъ съ художниками. 7 апр. 1826 г. онъ писалъ поэту: „Я было выпросивши у тебя позволенія напечатать отрывокъ объ Овидіи, хотѣлъ помѣстить къ нему картинку; да что дѣлать съ нашими скотами-академиками! Ни одинъ не могъ сдѣлать что нибудь сносное. Съ досады Дельвигъ бросился къ Григоровичу, уговорилъ его написать статью о русскихъ художникахъ и велѣлъ гравировать съ пяти русскихъ хорошихъ картинъ. Граверы сдѣлали сколько могли. Къ будущему году жду отъ нихъ еще большаго“.

Позднѣе, въ 1835 году, предполагая, вмѣстѣ съ Плетневымъ, издавать альманахъ, Пушкинъ въ письмѣ къ нему рекомендуетъ, какъ иллю-

Лубочная картинка 1832 г. „Слѣдствіе порочной любви“.

стратора, извѣстнаго Лангера, гравировавшаго виньетки въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ Дельвига.

Извѣстна затѣмъ гравюра, приписываемая Шевченко „Цыганскій таборъ“, которую предполагалось помѣстить при изданіи поэмы „Цыганы“, а также гравюра кн. Г. Гагарина къ „Пиковой Дамѣ“, предназначавшаяся для изданія повѣстей 1834 года. По рисунку этого же художника исполнена рѣдкая литографія пролога къ „Руслану“ 40-хъ годовъ, находящаяся въ собраніи В. И. Яковлева.

Перечисленными выше книжными иллюстраціями не исчерпываются, впрочемъ, всѣ рисунки къ произведеніямъ поэта. Популярность его при жизни была настолько велика, стихи его такъ быстро распространились между всѣми классами русскаго общества, что иллюстраціи ихъ появились сейчасъ же и въ популярной формѣ, ввидѣ грубаго лубка, приспособленнаго къ пониманію низшихъ классовъ. Картинки эти стали по-

являться уже въ началѣ 30-хъ годовъ и сперва обыкновенно гравировались; литографированные лубки появились нѣсколько позднѣе и издавались, главнымъ образомъ, въ Москвѣ. Къ числу первыхъ лубковъ принадлежитъ воспроизводимый нами „Талисманъ“, гравированный пунктиромъ (М. 1833 г.), и такая же гравюра къ Романсу („Подъ вечеръ осени ненастной“), подъ названіемъ „Слѣдствіе порочной любви“ М. 1832 г. Вообще народныхъ картинокъ, иллюстрирующихъ этотъ „Романсъ“ особенно много, существуютъ еще изданія: 1839 г. (М. изд. Стрѣльцовыхъ), 1848 г. (изд. Бѣлянкина), 1852 г. (лит. Глушковскаго), 1857 г. (лит. Васильева), 1866 г. (лит. Яковлева) и др., болѣе позднія.

Въ 40-хъ годахъ много лубковъ издавала литографія Логинова въ Москвѣ, изъ Пушкина она издала 4 листа къ „Кавказскому Плѣннику“ 1843 г. и недурную литографію „Гусарь“ 1849 года. Одною изъ наиболѣе излюбленныхъ темъ для издателей лубковъ наряду съ „Романсомъ“, былъ „Кавказскій Плѣнникъ“, издававшійся множество разъ.

Количество этихъ листовъ росло прогрессивно съ каждымъ годомъ, но качество ихъ, за то, едва ли не ухудшалось. Изъ издателей и литографовъ особенно охотно печатавшихъ ихъ, кромѣ уже упомянутыхъ, назовемъ литографію и хромолитографію Абрамова (изд. 1878-1890 гг.: Черная шаль, Братья Разбойники, Русланъ и др.). Хромол. М. Соловьева (изд. 1888-9 г.г.: Фавнъ и Пастушка, Полтава, Діонея и др.), лит. Руднева (1876 г., 3 листа Кавк. Плѣнникъ), хромолит. Васильева (изд. 1886-8 г.г., Барышня Крестьянка, Полтава), хром. Сытина (съ 1887 г., разн. сцены на 1 листѣ и др.), лит. Пурецкаго (1880-91 г.г. Утопленникъ и др.); все это московскіе издатели, изъ петербургскихъ можно назвать только литографію Штремера напечатавшую въ 1879 г. рисунокъ къ „Мѣдному Всаднику“.

Особенно помогали распространенію стиховъ Пушкина ихъ музыкальныя переложенія, которыми такъ охотно занимались современные ему композиторы. Стихи его также вдохновляли музыкантовъ, какъ и художниковъ, и нерѣдко на однѣ и тѣ же строфы писали романсы многіе композиторы. Особенно посчастливилось романсу „Я васъ любилъ“ переложенному на музыку 9-ю композиторами. Популярность такихъ романсовъ какъ „Черная Шаль“ или „Подъ вечеръ осени ненастной“ была такъ велика, что нерѣдко ихъ считали за народныя пѣсни, забывая совершенно о ихъ авторѣ. На обложкахъ нотъ этихъ романсовъ иногда также встрѣчаются виньетки, иллюстрирующія стихотворенія. Между ними нѣкоторыя довольно интересны, особенно на старыхъ, современныхъ автору изданіяхъ. Мы воспроизводимъ здѣсь три обложки, изъ которыхъ одна (Зимняя Дорога, 1831 г.) литографирована, другія двѣ гравированы. Оригиналы ихъ принадлежатъ Пушкинскому музею Имп. Александровскаго Лицея.

Подробное описаніе всѣхъ этихъ листовъ и обложекъ, какъ не относящихся къ книжной иллюстраціи и имѣющихъ небольшое художественное значеніе, не входитъ, впрочемъ, въ рамки нашей статьи, и мы ограничиваемся, по этому, приведенными краткими замѣтками.

Перечисленные нами выше рисунки къ изданіямъ пушкинскихъ сочиненій можно, вообще, отнести къ первому, лучшему ихъ періоду, совпадающему, съ одной стороны, съ наибольшею популярностью и успѣхомъ

Слова Александра Пушкина

МУЗЕЯ
НИКОЛАЯ ДЕВИТТЕ.

№ 15

Обложка нотъ на «Романсы» Пушкина Собств. Пушкинскаго Музея.

произведеній поэта, съ другой же — съ эпохою блестящаго состоянія русской иллюстрированной книги.

Но расцвѣтъ русской книжной иллюстраціи продолжался сравнительно не долго; уже къ концу 40-хъ годовъ XIX столѣтія мы замѣчаемъ упадокъ этого искусства, въ тѣсной связи съ упадкомъ русскаго гравированія вообще. Развитіе литографіи, этого дешеваго и легкаго, но не всегда художественнаго, способа воспроизведенія рисунковъ, по немногу стало вытѣснять хорошую ручную гравюру на мѣди. Тогда же вошли въ моду гравюры на стали, занесенныя къ намъ англійскими кипсеками; холодный и безжизненный характеръ этого рода гравюръ, исполнившихся обыкновенно въ Лейпцигѣ скорѣе ремесленниками, чѣмъ граверами-художниками не могъ, конечно, заставить забыть всей прелести чудесныхъ гравюръ талантливыхъ мастеровъ начала вѣка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ иллюстрація книги 40—50-хъ годовъ почти утратила свое первоначальное чисто художественное значеніе. Появленіе сатирической литературы, во главѣ съ Гоголемъ, смѣло бичевавшей недостатки и пороки нашего дореформеннаго быта, вызвало совершенно новое обличительное направленіе и въ иллюстраціи книги. Отсюда успѣхъ карикатурныхъ журналовъ, альбомовъ и тому подобныхъ изданій этой эпохи. Цѣлый рядъ талантливыхъ рисовальщиковъ какъ Тиммъ, Агинъ, Лебедевъ, Боклевскій, Неваховичъ и др. работали на этомъ поприщѣ и создали такіе превосходные журналы, какъ „Листокъ для Свѣтскихъ Людей“, „Ералашъ“, такіе альбомы, какъ „Маскарадъ“, „Колпакъ“ и мн. др.

Общественное значеніе этихъ изданій весьма велико, но несомнѣнно, что внутренняя, обличительная сторона ихъ преобладаетъ надъ чисто художественной и лишаетъ рисунки того значенія иллюстраціи, какъ его понимали художники начала вѣка.

Наиболѣе интересными иллюстрированными книгами этого времени надо считать книги, украшенныя гравюрами на деревѣ лучшихъ мастеровъ этого рода искусства, какъ Бернардакаго, Клодта, Дерикера и нѣкоторыхъ другихъ. Первый награвировалъ превосходные рисунки Агина къ „Мертвымъ Душамъ“, второй исполнилъ знаменитые Тиммовскіе рисунки къ сочиненіямъ Мятлева. Можно назвать и еще не мало красивыхъ книгъ съ полнотипажамы, но всѣ онѣ несомнѣнно уступаютъ изданіямъ предшествовавшаго періода.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что дѣятельность иллюстраторовъ этой эпохи, носившая совершенно опредѣленный сатирической характеръ, не могла найти себѣ частаго примѣненія въ иллюстрированіи такого поэта какъ Пушкинъ — художника по преимуществу. Девизъ его, характеризующій всю его литературную дѣятельность: „Цѣль поэзіи — поэзія“¹⁾, обязывалъ и иллюстратора его произведеній исповѣдовать принципъ — „Цѣль искусства — искусство“...

Гоголь и Мятлевъ, позднѣе Островскій и Щедринъ вотъ авторы, произведенія которыхъ были ближе таланту художниковъ этой эпохи,

¹⁾ См. письмо къ Жуковскому 1825 года: „Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи — поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (если не укралъ этого)“.

и дѣйствительно, рисунки къ Пушкину стали появляться довольно рѣдко, и между ними лишь немногіе представляютъ художественный интересъ.

Въ 1842 году вышелъ альбомъ рисунковъ К. Шредера, къ „Борису Годунову“ изъ 15 листовъ, гравированныхъ на камнѣ очеркомъ въ литографіи Тюлева.

Рисунокъ К. Шредера къ „Борису Годунову“ (изд. 1842 г.).

Въ „Дамскомъ Альбомѣ“ 1844 года изъ числа 18 недурныхъ рисунковъ Е. Ковригина (талантливый рисовальщикъ, давшій намъ знаменитые рисунки къ Типамъ Современныхъ Нравовъ) два иллюстрируютъ Пушкина, — „Бахчисарайскій Фонтанъ“ и „Руслана“.

Въ Альманахѣ для дѣтей Спб. 1845 г., по рисункамъ этого же художника выгравированы Неттельгорстомъ на деревѣ 3 картинки къ Пушкину: 1) „Гонимы вешними лучами“ (вин. и рис.); 2) „Сказка о рыбацкѣ и рыбацкѣ“; 3) „Москва“.

Ранѣе мы уже говорили о 2-мъ изданіи „Новоселья“ съ превосходными виньетками Бернадскаго и Дерикера.

Въ томъ же 1845 году въ Петербургѣ вышелъ сборникъ на польскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Niezapominajki Ukrainca, E. F. Daszkow-

Зимняя Дорога

СЛОВА

А. ПУШКИНА

Музыка
А. Алябьева.

Москва

музыка
А. ВЕРСТОВСКАГО.

МОСКВА.

skiego“ заключающій въ себѣ, между прочимъ, переводы „Цыган“, „Братьевъ разбойниковъ“ и „Бахчисарайскаго Фонтана“. Къ послѣдней поэмѣ приложена превосходная литографія по рисунку извѣстнаго рисовальщика Р. Жуковскаго и въ началѣ помѣщена рѣзанная на деревѣ виньетка, изображающая видъ Фонтана.

Затѣмъ въ 1852 году въ Спб. вышелъ альманахъ „Незабудочка“ съ 10 литографіями, между которыми 2 рисунка иллюстрируютъ Пушкина: „Красавица передъ зеркаломъ“ и „Кавказскій Плѣнникъ“. Рисунки исполнены довольно слабо художникомъ Педановымъ и очень грубо литографированы.

Въ Русскомъ иллюстрированномъ альманахѣ 1858 г., кромѣ фронтисписа съ портретомъ Пушкина и сценами изъ его произведеній, находится еще рисунокъ Агина къ стихотворенію „Гусарь“.

Въ 1859 году въ знаменитомъ „Художественномъ Листкѣ“ Тимма, появилась литографія къ „Братьямъ Разбойникамъ“ безъ подписи художника. Затѣмъ въ № 30 и 33, 1861 г. и № 9, 1862 г. помѣщены отличные рисунки А. Шарлеманя къ „Руслану“, „Капитанской Дочкѣ“ и „Онѣгину“, изображающіе различныя сцены изъ произведеній въ орнаментальной рамкѣ.

Къ этой же эпохѣ принадлежатъ 3 интересныя литографіи, въ 2 тона, фотографическіе снимки съ которыхъ хранятся въ Пушкинскомъ Музеѣ Лицея. Онѣ изображаютъ различныя сцены изъ „Руслана и Людмилы“ и никѣмъ не подписаны. Существовало предположеніе, что онѣ предназначались для обложекъ нотъ, или были приготовлены для „Листка“ Тимма, какъ извѣстно, прекратившагося въ 1862 г. Между тѣмъ, есть извѣстіе, что эти литографіи были исполнены для неосуществившагося изданія альбома иллюстрацій къ произведеніямъ Пушкина; въ № 75 журнала „Иллюстрація“ за 1859 г. (отъ 25 Юня), мы читаемъ:

„Мы слышали, что къ сочиненіямъ Пушкина готовятся литографированные рисунки; заинтересованные этою новостью, мы полюбопытствовали познакомиться съ ними и смѣло можемъ обѣщать успѣхъ прекрасной мысли, исполненной художниками гг. Медвѣдевымъ и Лебедевымъ (авторами Пикника). Цѣна за полное собраніе рисунковъ самая дешевая. Уже сдѣланы рисунки по поэмѣ: „Русланъ и Людмила“, за 9 рисунковъ къ этой поэмѣ назначено 3 р. серебромъ: рисунки въ два тона, большого формата на прекрасной бумагѣ; работа въ полномъ смыслѣ художественная“.

Литографія по рисунку Р. Жуковскаго къ «Бахчисарайскому Фонтану» (изд. Daszkowskiego).

Несомнѣнно, что воспроизводимые здѣсь рисунки тѣ самые, о которыхъ говоритъ приведенная замѣтка.

Въ той же „Иллюстраціи“ 1863 г. въ № 259, помѣшенъ превосходный рисунокъ П. Фодотова, изображающій „Татьяну“ изъ „Евгенія Онѣгина“, рисунокъ этотъ взятъ изъ собранія А. Сомова, и владѣлецъ его пишетъ въ томъ же № журнала:

Надѣмся, что читатели не будутъ строги къ этимъ политипажамъ, когда сообразятъ съ какимъ трудомъ гравюра на деревѣ передаетъ мягкость и свободу карандаша.
А. Сомовъ.

Рисунокъ К. Брюллова къ «Бахчисарайскому Фонтану» («Сѣверное Сіяніе» т. 1).

Въ 1862 году вышелъ 1-й томъ извѣстнаго Генкелевскаго сборника „Сѣверное Сіяніе“, предпринятаго издателемъ по образцу модныхъ тогда англійскихъ и французскихъ кипсековъ. 12 рисунковъ посвящены въ этой книгѣ Пушкину, но нельзя сказать, чтобы они могли назваться удачными. Они носятъ на себѣ яркіе слѣды спѣшной работы по заказу, и, кромѣ развѣ Брюлловскаго рисунка къ „Бахчисарайскому Фонтану“, отличаются своею нехарактерностью, безжизненностью и очень слабо выгравированы въ Лейпцигскихъ мастерскихъ. Въ этомъ изданіи особенно ясно видна разница между первыми иллюстраторами Пушкина, умѣвшими вдохновляться его поэзіей и художниками, работавшими по заказу издателя, забывавшими,

Сцены из «Руслана и Людмилы» Литография без подписи

что иллюстрація книги есть совершенно особое искусство, несомнѣнно требующее своей спеціальности.

Укажемъ, напримѣръ, на особенно слабый рисунокъ Трутовскаго къ „Графу Нулину“, рисунокъ Лебедева къ „Руслану“ и цѣлый рядъ другихъ. Недурной самъ по себѣ рисунокъ Микѣшина къ „Евгенію Онѣгину“ носить слишкомъ общій характеръ и изображаетъ скорѣе „Дѣвушку у окна“, чѣмъ именно Татьяну. Полноты впечатлѣнія не даетъ и такой внѣшній признакъ какъ писанье вензеля на окнѣ (для большей ясности даже не Е. и О. какъ у Пушкина, а Евг. О!), — приемъ, котораго должны избѣгать хорошіе иллюстраторы. Не лучше и остальные рисунки, весьма съ малымъ основаніемъ могущіе назваться иллюстраціями Пушкина.

Интересна большая литографія, печатанная въ два тона у Поль Пети, по рисунку Зичи, и изображающая сцены изъ „Бахчисарайскаго Фонтана“ (60-е годы). Къ той же эпохѣ принадлежитъ очень большой литографированный листъ со сценами изъ „Братьевъ Разбойниковъ“.

Въ 1870 году вышло извѣстное изданіе: „Декорации къ трагедіи Пушкина Борисъ Годуновъ“, рисованныя академикомъ М. Шишковымъ. 16 рисунковъ исполнены литографіею и отличаются своею вѣрностью эпохѣ. Фигуры на нихъ рисованы А. Шарлеманемъ. Изданіе это, впрочемъ, имѣетъ главнымъ образомъ театральное значеніе и не является, въ строгомъ смыслѣ, иллюстраціей трагедіи, какъ литературнаго произведенія.

Въ сборникѣ „Родные отголоски“ Спб. 1875 г. рисунки Панова иллюстрируютъ нѣкоторыя стихотворенія Пушкина.

Говоря объ изданіяхъ Пушкина этой эпохи, нельзя не сказать нѣсколько словъ объ извѣстномъ петербургскомъ книгопродавцѣ Я. А. Исаковѣ, такъ много потрудившемся въ дѣлѣ распространенія и популяризаціи произведеній нашего поэта. Яковъ Алексѣевичъ Исаковъ былъ одною изъ замѣчательныхъ личностей своего времени. Энергичный и предприимчивый, обладавшій большимъ знаніемъ дѣла и достаточнымъ образованіемъ, онъ одинъ изъ первыхъ русскихъ книгопродавцевъ завелъ большія сношенія съ Западной Европой, выписывая иностранныя книги для всей Россіи. Его издательская дѣятельность ознаменовалась въ концѣ 50-хъ годовъ пріобрѣтеніемъ исключительнаго права на изданіе всѣхъ сочиненій Пушкина. Въ 1859—60 г.г. вышло его I-е изданіе сочиненій поэта подъ редакціей Геннади, повторенное подъ той же редакціей уже въ 1869—70 годахъ и вышедшее въ 3-й разъ уже подъ редакціею Ефремова въ 1880—81 г.г. Я. А. Исаковъ поставилъ себѣ задачею популяризацію сочиненій Пушкина и распространеніе ихъ въ частности между учащимися, и его полезное изданіе „Классная Библиотека“ содержало въ себѣ, главнымъ образомъ, сочиненія великаго поэта. Чаще всего, затѣмъ, Исаковъ издавалъ сказки Пушкина, какъ сборниками, такъ и отдѣльными брошюрами для народа. Всего кромѣ 3-хъ изданій Сочиненій Пушкина, за 20 лѣтъ съ 1861—1881 г.г., онъ успѣлъ издать свыше 30 отдѣльныхъ книжекъ поэмъ и сказокъ, по большей части иллюстрированныхъ политипажами, гравированными Гогенфельденомъ, въ типографіи котораго Исаковъ печаталъ свои книги. Рисунки эти мало художественны и имѣютъ значеніе только какъ первая попытка иллюстраціи популярныхъ изданій поэта. Наболѣе интересно изданіе „Онѣгина“ 1864 г. съ гравированнымъ на деревѣ заглавнымъ листомъ и фронтисписомъ. Этотъ романъ вышелъ еще раньше въ 1862 году съ

2-мя виньетками, а затѣмъ въ 1875 и 1880 г.г. съ рисованными Крюковымъ виньетками передъ каждой главой. Въ 1874 г. вышла „Полтава“ съ 7-ю рисунками С. Макаровой. Сказки выходили въ слѣдующихъ изданіяхъ:

1) Сказка о рыбацѣ и рыбкѣ: 1858 г. съ 13 хромолитографіями П. Анненскаго; 1865 г. съ рисунками въ текстѣ; 1868 г. съ 5 хромолит. Крюкова; 1869 г. съ рис. въ текстѣ и наконецъ въ 1879 г.

2) Сказка о Мертвой Царевнѣ: 1861 г. съ 8 рис. Гогенфельдена; 1864 г. 2-е изд.; 1868 и 1872 г.г. съ 1 рисункомъ; 1878 г. съ рисунками въ текстѣ и 1879 г. съ 8 рисунками.

3) Сказка о Царѣ Салтанѣ: 1861 г. съ рисунками въ текстѣ; 1865 г. съ 8 рис. и 1868, 74, 75 и 78 г.г. съ рис. въ текстѣ.

4) Сказка о Купцѣ Остолопѣ: 1873 и 79 г.г. съ рис. въ текстѣ.

5) Сказка о Золотомъ Пѣтушкѣ: 1874 и 79 г.г. съ 5 рисунками.

6) Собранія сказокъ: 3 сказки 1872 г. съ рис. въ текстѣ; Народныя Сказки изд. 1873 года съ 43 рисунками Бейдемана, Крюкова и Трутовскаго, гравированными Гогенфельденомъ и Стариковымъ. Это же изданіе повторено въ 1876 году съ другой обложкой¹⁾.

Виньетка Бернадскаго къ „Дому въ Коломиѣ“ („Новоселье“ 2-е изд.).

Мы уже видѣли, что къ концу первой половины XIX столѣтія книжная иллюстрація, достигшая къ этому времени своего наибольшаго развитія, постепенно начинаетъ приходить въ упадокъ. Такіе блестящіе художники, какъ Тиммъ, Боклевскій, Агинъ, такіе талантливые граверы, какъ Бернадскій, Клодтъ, Неттельгорстъ и нѣк. др., еще поддерживаютъ славу русской иллюстрированной книги, но они уже являются послѣдними ея представителями. Къ концу 70-хъ годовъ, можно сказать смѣло, русская изящно иллюстрированная книга болѣе не существуетъ, и лишь въ самое послѣднее время мы замѣчаемъ нѣкоторое возрожденіе этого рода иску-

¹⁾ Здѣсь перечислены только изданія, вышедшія съ иллюстраціями.

Сцены из «Руслана и Людмилы». Литография без подписи.

ства, ровно 100 лѣтъ тому назадъ переживавшаго полный расцвѣтъ и блиставшаго цѣлымъ рядомъ высокоталантливыхъ именъ.

Главныя причины окончательнаго упадка книжной иллюстраціи во второй половинѣ XIX вѣка остались тѣ же, которыя уже были нами отмѣчены — вытѣсненіе ручной гравюры новыми способами воспроизведенія, въ связи съ колоссальными успѣхами, достигнутыми техникой печатнаго дѣла. Литографію сперва смѣнила ксилографія, потомъ всевозможныя „фото“, и дешевизна всѣхъ этихъ механическихъ способовъ сдѣлала совершенно невозможной конкуренцію съ ними ручной гравюры или офорта.

Художественная сторона иллюстрацій, конечно, сильно пострадала и новые рисунки стали носить характеръ скорѣе мастерства, а не искусства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ сказался и духъ времени. Увлеченіе поэзіей и романтизмомъ начала вѣка, сатирическое направленіе литературы 40-хъ годовъ, смѣнились давно уже новыми идеалами. Политическіе и экономическіе интересы захватили русское общество и создали свою литературу, свою книгу. Любителей красивой иллюстрированной книги стало меньше. Не стало и художниковъ, съ любовью посвящавшихъ свои труды этому роду искусства.

Популяризація книги сдѣлалась одною изъ главныхъ цѣлей издательей; дешевыя изданія, брошюры, лубки, появились во множествѣ, приспособляясь къ интересамъ недавно освобожденнаго народа и не давая совершенно пищи уму и художественному чувству интеллигента.

Но указанныя нами только что причины упадка иллюстрированной книги были не единственными. Наиболѣе сильный ударъ ей былъ нанесенъ нарожденіемъ новаго типа иллюстрированныхъ журналовъ, такъ называемыхъ литературно-политическихъ, по образцу давно уже существовавшихъ за границею Иллюстрацій. „Всемирная Иллюстрація“ (съ 1869 г.), „Нива“ (съ 1870 г.), „Живописное обозрѣніе“ (съ 1869 г.), „Родина“ (съ 1883 г.), съ цѣлой бібліотекой своихъ бесплатныхъ приложений наводнили Россію печатной бумагой, рѣдко заботясь о дѣйствительно художественной сторонѣ своихъ изданій.

Дешевизна и разнообразіе содержанія этихъ журналовъ, создали имъ прочный успѣхъ, надолго сдѣлавшій ненужною изящную иллюстрированную книгу.

Журналы эти, съ особой охотой, стали печатать иллюстраціи къ литературнымъ произведеніямъ, не сумѣвъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать собственнаго кружка специалистовъ-иллюстраторовъ и поручая эти работы часто совершенно неспособнымъ рисовальщикамъ. Неизбѣжная спѣшность исполненія этого рода картинокъ, грубое воспроизведеніе ихъ сперва ксилографією, потомъ автотипією, плохая бумага и т. п., все это лишаетъ иллюстрированные журналы всякаго художественнаго значенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, до самаго послѣдняго времени, они являются единственною школою художественнаго вкуса всей русской провинціальной, да частью и столичной, читающей публики...

Если мы обратимся теперь къ Пушкину, то увидимъ, что наступилъ періодъ цѣлаго ряда его юбилеевъ, не могшій не вызвать усиленнаго движенія въ книгоиздательскомъ дѣлѣ. Прежде всего на юбилей откликнулись, конечно, иллюстрированные журналы и дали намъ цѣлый рядъ

картинокъ къ Пушкину. Особенно, въ этомъ отношеніи, старалась „Нива“, гдѣ иллюстраціи къ произведеніямъ поэта стали появляться уже съ 1871 г. (Голова къ Руслану, рисунокъ Панова). Далѣе много рисунковъ дали „Всемирная Иллюстрація“, „Живописное Обзорѣніе“ и „Родина“, кое что пушкинское появилось также въ такихъ журналахъ, какъ „Кругозоръ“ (Спб. 1876—78 гг.), „Сѣверная Звѣзда“ (Спб. 1877—8), „Лучъ“ (Спб. 1880—90), „Радуга“ (М. 1883—88), „Россія“ (М. 1883—5), „Волна“ (М. 1884—86), „Будильникъ“ (М. съ 1865 г.), „Сѣверъ“ (Спб. съ 1888 г.), „Шутъ“ (Спб. 1879—1906), „Осколки“ (Спб. съ 1881 г.). Рисунки въ этихъ журналахъ воспроизводились сперва гравюрою на деревѣ, потомъ авто-типіею. Мы уже говорили, что дѣятельность этихъ журналовъ не создала у насъ специалистовъ, иллюстраторовъ и художники, исполнявшіе эти рисунки въ большинствѣ случаевъ слишкомъ легко смотрѣли на свою задачу, мало можетъ быть сознавая, что иллюстрація литературныхъ произведеній требуетъ своей специальности, требуетъ глубокаго изученія автора и полнаго проникновенія его духомъ. Несомнѣнно, нѣкоторые изъ нихъ понимали эту задачу, но ихъ было мало. Въ письмѣ къ издателю „Живописнаго Обзорѣнія“ И. Крамской говоритъ слѣдующее: „Два слова въ оправданіе рисунка (прологъ къ Руслану). Иллюстрировать такого поэта, какъ Пушкинъ, вовсе не легко (да я уже это зналъ и раньше). Что дѣлать? Вы предоставили на мой выборъ, но вѣдь это значитъ: взвалить на человѣка огромную отвѣтственность. И вотъ видите, я нарисовалъ банальныя вещи и на банальныя поэмы: впрочемъ, у „Лукоморья“ поэма не банальная, но невозможная...“.

Мы видимъ, какъ серьезный художникъ сознаетъ свою отвѣтственность, какъ онъ боится быть банальнымъ. И рисунокъ его, несмотря на скромность автора, лишень этого недостатка, и много выше стоитъ всего, что появлялось въ журналѣ позднѣе (см. „Живописн. Обзор.“ 1880 г.; картина находится въ Третьяковской галереѣ, въ Москвѣ). Другіе художники, за малымъ исключеніемъ, къ сожалѣнію, не были такъ скромны и отвѣтственности не боялись, они смотрѣли на свою задачу гораздо легче, и потому громадное большинство ихъ иллюстрацій не выходитъ за предѣлы ужасающей банальности, а иногда прямо приближается къ грубому и плохо рисованному лубку.

Отличную характеристику иллюстраціямъ этого рода даетъ неизвѣстный авторъ замѣтки подъ названіемъ: „Какъ иллюстрируются русскіе писатели“ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ 1880 года, написанной по поводу выхода Пушкинскаго юбилейнаго альбома В. Иванова (см. ниже).

Характеристика эта относится, несомнѣнно, къ большинству журнальныхъ иллюстрацій къ Пушкину исполненныхъ художниками, также мало вникшими въ его поэзію, также мало ее понявшими.

Считаемъ нелишнимъ привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ этой, довольно длинной, статьи.

Пушкинская выставка (1880 г.), говоритъ авторъ, на которой собраны были всѣ иллюстраціи къ сочиненіямъ нашего поэта, наглядно доказала, какъ мало вдохновенія почерпнули наши художники изъ чтенія Пушкина.

Иллюстрацій Пушкину почти нѣтъ; количество ихъ совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что можно было ожидать отъ воздѣйствія Пушкина на художественную фантазію...

Полное отсутствіе творческой фантазіи и способности къ характеристикѣ сказывается во всѣхъ картинахъ...

Сцены из «Евгенія Онегина». Литографія по рисунку А. Шарлеманя.
Из «Художественнаго Листка» Гимма.

Пушкинъ, повидимому, не производилъ никакого впечатлѣнія на художниковъ Альбома. Они не вдумывались, не вглядывались въ него. Иначе намъ нельзя объяснить себѣ необыкновеннаго равнодушія, съ которымъ отнеслись они къ своимъ сюжетамъ и необыкновенно прозаической выборъ этихъ сюжетовъ...

Замѣчательно, что, рядомъ съ отсутствіемъ художественной характеристики, гг. иллюстраторы Пушкина точно также не выказываютъ ни малѣйшаго вниманія къ деталямъ, никакого вкуса въ ихъ комбинаціи, никакого умѣнія эффектной и красивой компановки. Ничтожество фигуръ и лицъ быть можетъ менѣе бросилось намъ въ глаза, еслибъ насъ подкупала живописность обстановки, красота ландшафта и освѣщенія, однимъ словомъ то, что называется у Французовъ *le pittoresque*. Но даже и этого нѣтъ въ анализируемыхъ нами рисункахъ...

Авторъ говоритъ, что если отнять подписи, то почти ни про какой рисунокъ нельзя сказать, что онъ иллюстрируетъ Пушкина. Перечисляя, затѣмъ, всѣ картинки, онъ упрекаетъ художника Богатова за отсутствіе фантазіи и плохой рисунокъ, Лебедева находитъ безвкуснымъ и аляповатымъ, иронизируетъ довольно зло надъ Трутовскимъ, говоря, что онъ, какъ академикъ, вполне использовалъ свое право быть скучнымъ и что фигуры на его рисунокѣ къ „Цыганамъ“, болѣе похожи на утопленниковъ.

Въ заключеніи онъ говоритъ:

Подведемъ итоги. Пушкинская выставка показала намъ всю бѣдность существовавшихъ до настоящаго времени иллюстрацій къ Пушкину. Новѣйшая попытка такой иллюстраціи оказывается несостоятельною, и этого нужно было ожидать. Поэтическая произведенія даютъ каждому не болѣе того, что онъ самъ въ состояніи почерпнуть въ нихъ. Для того чтобы читать поэтовъ, нужно не просто знать грамотѣ, но воспитать въ себѣ чувство и пониманіе прекраснаго. Воспитано ли это чувство въ современныхъ художникахъ? Воспитываютъ ли они его въ себѣ сами? Въ этомъ можно сомнѣваться. Особенно, просмотрѣвъ Альбомъ памяти Пушкина.

Приведенныя выше выдержки еще интересны для насъ и потому, что онѣ говорятъ о художникахъ, имена которыхъ мы не разъ встрѣчаемъ при обзорѣ пушкинскихъ иллюстрацій. (См. напр. „Сѣверное Сіяніе“, Альбомы 1880—87 г., изд. Исакова и др.)

Между рисовальщиками, имена которыхъ наиболѣе часто встрѣчаются на пушкинскихъ картинкахъ, въ названныхъ журналахъ назовемъ: Н. Негадаева („Всем. Илл.“), рисунки котораго къ „Капитанской Дочкѣ“ вышли въ 1879 г. отдѣльно, приложеніемъ къ „Огоньку“, И. Панова („Вс. Илл.“, „Родина“, „Нива“), Мясоѣдова („Жив. Обзор.“), Петра Соколова („Ж. О.“), Н. Каразина („Нива“), Земцова („Нива“), М. Клодта („Нива“), Р. Штейна („Нива“, „Родина“), И. Коверзнева („Нива“, „Ж. О.“), К. Брожа („Вс. Илл.“), А. Зауерлендера („Родина“), Самокишъ („Нива“), Самокишъ-Судковскую („Нива“), Соломко („Нива“) и др.

Между граверами на деревѣ можно указать развѣ на Сѣрякова, работавшаго въ 70—80-хъ годахъ для „Всемирной Иллюстраціи“.

Въ концѣ настоящей статьи мы помѣщаемъ подробный списокъ иллюстрацій къ Пушкину въ журналахъ: „Всем. Иллюстр.“, „Нива“, „Живоп. Обзор.“ и „Родина“.

Большое количество альбомовъ, отдѣльныхъ листовъ, портретовъ, брошюръ и тому подобныхъ народныхъ изданій наполнили рынокъ, особенно послѣ 1887 года, т. е. послѣ истеченія срока авторской собственности. Главнымъ образомъ, много народныхъ изданій выходило въ Москвѣ. Съ 1887 г. появились Сытинскія изданія, съ рисунками на обложкахъ, въ краскахъ; въ 1897 г. въ этомъ же изданіи вышли „Сказки“ съ 5 рис., а въ 1890 г. „Капитан-

ская Дочка“ съ 188 рис. Малышева; позднѣе, съ 1899 г. въ этихъ изданіяхъ помѣщались рисунки К. Лебедева. Библиотечку Ступина 1896 г. (сказки) иллюстрировалъ художникъ М. Нестеровъ. Въ Москвѣ же выходили иллюстрированныя изданія для народа Щеглова, съ рисунками Газенкампа, изданія Лузиной, Рихтера и др. Въ Петербургѣ въ 1888 г. началъ свою Иллюстрированную Пушкинскую бібліотеку Павленковъ, издавшій болѣе 40 книжечекъ, приспособленныхъ для учащихся и народа. (Въ Москвѣ изданіе подъ тѣмъ же названіемъ Панафидина стало выходить съ 1900 г.).

Къ 1899 г. и провинція дала кое какія народныя изданія Пушкина, между которыми иллюстрированныхъ не много, назовемъ напримѣръ изданія Тихомірова во Владимірѣ (сказки 1899 г.), „Евгеній Онѣгинъ“, напечатанный въ слѣдующемъ году въ Поневѣжѣ. Къ послѣдному юбилею (1899 г.) вышло кромѣ того нѣсколько собраній избранныхъ сочиненій поэта, по большей части также народнаго или образовательнаго характера, между ними назовемъ слѣдующія съ рисунками: изд. Сытина въ Москвѣ въ I томѣ съ рис. К. Лебедева; его же изданіе подъ названіемъ: Полное собраніе сочиненій въ 2-хъ томахъ съ рис. А. Лебедева, московскія изданія Конради; Панафидина; Ступина (Для школы, съ 98 рисунками); петербургское изд. Павленкова въ I томѣ съ 160 рис.; изданіе для юношества подъ ред. Авенариуса въ 3-хъ томахъ; Избранныя сочиненія для дѣтей младшаго возраста изд. журнала „Игрушечка“; „Пушкинъ для ребятишекъ“ Сальникова съ рис. В. Табурина и др.

Изданія эти совершенно лишены художественнаго значенія и украшены, обыкновенно, плохими рисунками, работы мало извѣстныхъ художниковъ.

Переходя теперь къ такъ называемымъ художественнымъ изданіямъ, мы должны упомянуть сперва о юбилейныхъ альбомахъ 80-ыхъ годовъ. Въ Московскомъ альбомѣ, изданномъ В. Ивановымъ, помѣщены портретъ и 15 литографированныхъ рисунковъ художниковъ Н. Богатова, А. Лебедева и Трутовскаго; о недостаткахъ этихъ рисунковъ мы уже говорили выше. Не лучше и московскій альбомъ „Баянъ“ съ рисунками Сѣдова, Поспѣлова, Пашкова и Калмыкова.

Альбомы 1885 (Спб. 20 рис.) и 1887 г.г. (Спб. 47 рис.) не смотря на участіе такихъ именъ, какъ Рѣпинъ, Васнецовъ и др. также мало интересны, какъ и московскія изданія Анскаго 1882 г. (3 книги сказокъ, Онѣгинъ и Сочиненія въ 3-хъ томахъ) съ рисунками В. Маковского (2-е изд. Сочиненій вышло въ 1884 г. у Салаева).

Другія изданія съ рисунками Изенберга (Силуэты къ Русалкѣ 1889 г. и къ Руслану 1890 г.), Малышева (Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ, изд. Суворина 1887 г. съ 6 хромолит.), Крюкова, Трутовскаго, Каразина, Далькевича (альбомы 1885 и 87 г.г.) еще менѣе, конечно, могутъ удовлетворить серьезнымъ требованіямъ къ изящной иллюстраціи.

90-е года отмѣчены двумя попытками дать роскошныя изданія произведеній Пушкина съ иллюстраціями, возникшими въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ 1891 г. московскій книгопродавецъ Готье выпустилъ свою „Капитанскую Дочку“ съ рисунками Павла Соколова, гравированными А. Ламотъ. Эта попытка дать дѣйствительно роскошное, украшенное ручными гравюрами, любительское изданіе, отпечатанное по образцу заграничныхъ на лучшей бумагѣ, въ нѣсколькихъ тиражахъ, съ особыми оттисками гравюръ до подписей и т. д. заслуживаетъ, конечно,

полнаго одобренія, но, къ сожалѣнію, внутренняя, художественная сторона книги оказалась ниже ея внѣшности. Суховатые рисунки Соколова, иногда грѣшашіе незнаніемъ быта и исторіи, очень слабо, по любительски, гравированы Ламотомъ, и не могутъ служить образцами изящной иллюстраціи. Второе изданіе Готье: „Евгеній Онѣгинъ“, вышедшее въ 1893 году украшено 6-ю рисунками и 16 виньетками того же художника и 2-мя рисунками Бѣлянкина. Недостатки рисунковъ и въ этомъ изданіи тѣ же, а исполненіе ихъ фототипіею отнимаетъ отъ него и ту роскошь внѣшнюю, которой отличается первая книга. Еще раньше, въ 1892 г., этотъ же издатель выпустилъ альбомъ изъ 48 рис. П. Соколова къ „Евгенію Онѣгину“, исполненныхъ фототипіею.

Совершенно иного характера петербургскія изданія Суворина, съ той же претензіею на роскошь. Они совершенно неудовлетворительны ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны. Мы говоримъ о „Бахчисарайскомъ Фонтанѣ“ 1892, „Утопленникъ“ 1895 г., „Каменномъ Гостѣ“ 1895 г., и „Сказкѣ о Царѣ Салтанѣ“ 1896 г. съ рисунками художника С. Соломко. Рисунки эти, воспроизведенные фототипіею въ одномъ тонѣ, отличаются своею манерностью и банальностью, и совершенно недостойны украшать собою перлы поэзіи Пушкина. Къ тому же и внѣшность книгъ отличается своимъ удивительнымъ безвкусіемъ и потребность во второмъ изданіи „Бахчисарайскаго Фонтана“¹⁾, только доказала отсутствіе пониманія въ нашей читающей публикѣ, образовавшей свой вкусъ на „Нивѣ“ и „Родинѣ“...

Къ этой же эпохѣ относятся интересные рисунки Ѳ. Сологуба къ „Сказкѣ о Золотомъ Пѣтушкѣ“, печатанные хромолитографіею въ журналѣ „Артистъ“ 1890-93 г.г. и представляющіе первую попытку къ иллюстраціи сказокъ Пушкина въ чисто народномъ духѣ.

Съ 90-хъ годовъ начинаются изданія открытокъ съ иллюстраціями къ Пушкину. Между ними много оригинальныхъ рисунковъ: Бѣмъ, Бернштама, Рериха и др. Пушкинскій Музей обладаетъ коллекціей открытокъ въ 200 №№.

Упомянемъ еще объ изданіи „Онѣгина“ съ рис. Бельзена въ Спб. 1897 г. и объ „Сказкахъ“ съ 8-ю рисунками въ краскахъ В. Табурина, изданныхъ въ Спб. въ слѣдующемъ году, и перейдемъ къ изданіямъ, вышедшимъ по поводу послѣдняго юбилея Пушкина, столѣтія со дня его рожденія, минувашаго въ 1899 году.

Пушкинскій юбилей 1899 года засталъ разгаръ борьбы самыхъ крайнихъ теченій въ русскомъ искусствѣ, и иллюстрировать Пушкина принялись художники самыхъ различныхъ школъ и направленій. Къ сожалѣнію, и на этотъ разъ мы не можемъ отмѣтить изданій, могущихъ считаться вполне удовлетворительными. Ни слашавая манерность рисунковъ Соломки, ни неясность и расплывчатость Малютинскихъ эскизовъ не могли быть истинными выразителями поэзіи Пушкина, поражающей простотой и естественностью стиха, ясностью и законченностью образовъ.

Въ Москвѣ, въ изданіи Мамонтова, вышло три сочиненія Пушкина, иллюстрированныхъ художниками новаго крайняго направленія. „Капитанская Дочка“ съ 8 рис. К. Высотскаго и 2 книги съ рисунками въ краскахъ упомянутаго уже Малютина, „Русланъ“ и „Сказка о царѣ Салтанѣ“.

¹⁾ Къ этому изданію приложены очень плохо воспроизведенные рисунки Галактіонова.

Рисунки послѣдняго художника, какъ мы уже говорили, страдаютъ своею неясностью и эскизностью. Подражанія старому лубку въ „Сказкѣ“, вплоть до невѣрностей и уродливостей рисунка, кажутся, теперь особенно, верхомъ преувеличенія въ стремленіи къ новизнѣ и носятъ яркіе слѣды декадентства, такъ мало вяжущагося съ поэзіею Пушкина. Изданіе сказки о „рыбакѣ и рыбкѣ“, съ рисунками Афанасьева, представляетъ собою грубую карикатуру и никакъ не заслуживаетъ названія иллюстраціи къ произведенію великаго поэта.

Наиболѣе любопытнымъ изданіемъ этой эпохи являются Сочиненія Пушкина въ 3-хъ томахъ, съ портретомъ автора, работы Сѣрова, и 66 рисунками. Издана эта книга художникомъ Канчаловскимъ въ Москвѣ и интересна, хотя бы, уже по одному перечню именъ участвовавшихъ въ ней художниковъ. Тутъ и Рѣпинъ, и Васнецовъ, тутъ и Врубель, и Коровинъ, и Сомовъ и Лансере. Несомнѣнно, такое разнообразіе художниковъ самыхъ различныхъ направленій не можетъ служить достоинствомъ изданія съ художественной его стороны, лишая его цѣльности и единства впечатлѣнія. Къ тому же, и отдѣльно взятые рисунки, въ большинствѣ, не вполне удовлетворительны.

Грубая поддѣлка подъ лубокъ Малютина, неясные и эскизные пейзажи Левитана, мрачные рисунки самого издателя, всѣ эти иллюстраціи не могутъ никоимъ образомъ быть причисленными къ разряду удачныхъ. Мы уже не говоримъ о невозможности плохихъ картинкахъ Сурикова, помѣщеніе которыхъ можно объяснить только недоразумѣніемъ.

Изъ наиболѣе удачныхъ рисунковъ этого изданія, надо назвать интересный и не банальный рисунокъ къ „Пророку“ Врубеля, виньетки Лансере къ „Выстрѣлу“ и „Дубровскому“, нѣсколько прелестныхъ картинокъ Коровина къ „Онѣгину“, и иллюстраціи „Пиковой Дамы“ А. Бенуа.

Интересно петербургское изданіе „Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ“ съ рис. В. Васнецова, на большомъ складномъ листѣ, отпечатанное въ краскахъ въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ.

До нельзя аляповато и безвкусно изданіе, „Онѣгина“ Дамскаго художественнаго Кружка, съ рисунками Бухцъ, Палень и др. Спб. 1899 г.

Московское изданіе Гросмана и Кнебель „Бахчисарайскаго Фонтана“, съ фототипіями по рисункамъ В. Суреньянца, заключаетъ въ себѣ нѣсколько довольно интересныхъ картинокъ, изображающихъ виды Крыма.

О цѣломъ рядѣ популярныхъ изданій Сочиненій Пушкина съ рисунками мы уже говорили, прибавимъ еще названія нѣкоторыхъ юбилейныхъ сборниковъ, въ которыхъ были помѣщены иллюстраціи: 1. Юбилейный сборникъ, изд. „Народная Польза“, 2. Сборникъ Пушкину Кіевскаго Педагогическаго Общества, 3. Альбомъ, изд. Комарова, 4. Альбомъ „Нивы“ 5. Альбомъ „Будильника“ и др.

Изданія эти не преслѣдовали художественныхъ цѣлей и рисунки ихъ не представляютъ никакого интереса.

Прежде чѣмъ закончить нашъ обзоръ пушкинскихъ иллюстрацій, мы должны сказать нѣсколько словъ объ изданіи хотя и вышедшемъ уже въ XX вѣкѣ, но интересномъ для насъ по количеству воспроизведенныхъ рисунковъ къ сочиненіямъ поэта.

Мы говоримъ о пяти томахъ Сочиненій Пушкина подъ редакціей С. Венгерова, вышедшихъ въ Петербургѣ въ 1907—11 г.г.

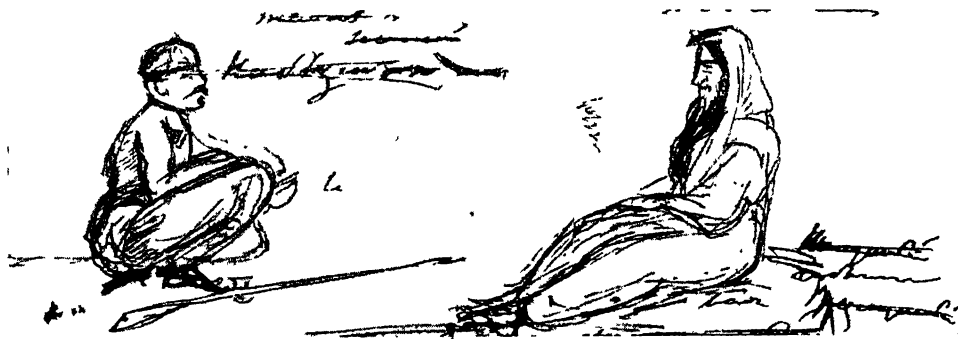
Издание это отличается исключительной полнотой материала литературного и обиліемъ приложенныхъ документовъ и рисунковъ. Множество портретовъ, воспроизведеній подлинныхъ рукописей и рисунковъ Пушкина, современныя ему иллюстраціи, лубки и т. п., все это дѣлаетъ издание чрезвычайно цѣннымъ въ смыслѣ библиографическомъ.

Большой интересъ, далѣе, представляютъ воспроизведенія неизданныхъ рисунковъ изъ коллекцій частныхъ лицъ, какъ напр. превосходные рисунки А. Бенуа къ „Мѣдному Всаднику“ и „Пиковой Дамѣ“, рисунки Беренштама къ „Фаусту“, иллюстраціи Врубеля къ „Моцарту и Сальери“, отличныя силуэты Гельмерсена къ „Онѣгину“ и „Выстрѣлу“ рисунки В. Шварцъ къ „Руслану“, акварели Суреньянца, Гартмана и др.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили главнѣйшія попытки книжныхъ и, отчасти, журнальныхъ иллюстрацій къ произведеніямъ Пушкина въ теченіе XIX вѣка, въ связи съ общей картиной состоянія русской иллюстрированной книги этой эпохи. Мы видѣли при этомъ, что, кромѣ первоначальныхъ картинокъ къ сочиненіямъ поэта, все позднѣйшее рѣдко выходило за предѣлы посредственности, и можемъ смѣло сказать, что имя Пушкина требуетъ отъ нашихъ художниковъ большаго къ себѣ вниманія. Мы вправѣ ожидать отъ нихъ правильнаго и вдохновеннаго толкованія произведеній нашего великаго народнаго поэта. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо надѣяться, что въ переживаемое нами время подъема интереса къ искусству и старинѣ, время замѣтнаго пробужденія въ обществѣ вкуса къ изящной книгѣ, воскреснетъ, наконецъ, вновь искусство русской книжной иллюстраціи. Задатки этого мы видимъ въ нѣкоторыхъ, дѣйствительно изящныхъ, изданіяхъ послѣднихъ лѣтъ и въ появленіи нѣкоторыхъ талантливыхъ художниковъ, съ любовью посвящающихъ свои труды иллюстраціи книги. И для Пушкина ими уже кое что сдѣлано; укажемъ, напримѣръ, на названные рисунки Бенуа къ „Мѣдному Всаднику“ и „Пиковой Дамѣ“ (часть вошла въ изд. Канчаловскаго и Венгерова, всѣ выходятъ на дняхъ при книгѣ, издаваемой Т-вомъ Голике и Вильборгъ), или виньетки Лансере къ „Выстрѣлу“ и „Дубровскому“.

Все это, повторяемъ, даетъ намъ надежду, что въ недалекомъ будущемъ мы дождемся, наконецъ, изданія твореній нашего великаго поэта, достойнаго его имени и таланта, украшеннаго рисунками художника, вдохновеннаго красотою его безсмертнаго генія.

Н. Соловьевъ.

Рисунокъ А. С. Пушкина къ поэму «Галубъ». Изъ рукописи Румянцевскаго Музея.

№ 5. Сентябрь 1911 г.

РУССКІЙ БИБЛІОФІЛЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ВѢСТНИКЪ

для

СОБИРАТЕЛЕЙ КНИГЪ И ГРАВЮРЪ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAÎT 8 FOIS PAR AN.

St. Pétersbourg.